

УДК 82.162.1.09

Оляндэр Л.К.

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянской филологии
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки
кафедра славянской филологии
просп. Воли, г. Луцк, Украина, 43025
olk32@ukr.net

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ОСМЫСЛЕНИЕ
ФОРМ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ**

В статье идет речь о содержании понятия «литературный процесс», а также о такой его особенности, как полифония, сочетание в нем целостности и дискретности. Автор статьи обращает внимание на взаимодействие в научной литературоведческой работе макро- и микродиалогических полей, звучащие в ней множества голосов: самого автора исследования, писателя, о котором идет речь, а также тех творцов, к которым мысленно или же, цитируя их, обращался художник, создавая свои произведения. Часто эта полифония задается уже названием литературоведческого исследования. В поле зрения автора статьи – вышедшие в последние годы монографии С. Бураго, Т. Гундоровой, О. Богдановой, В. Мусий, А.Тарарака

Ключевые слова: *литературный процесс, литературоведческое исследование, полифония, диалогическое поле, целостность, дискретность*

А. Пушкин – наше всё: Пушкин представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что останется нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужими, с другими мирами.

Аполлон Григорьев «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859)

Ось уже десятки років, як історики стали приділяти увагу переважно тривалим періодам, так ніби під покровом політичних перипетій та їхніх окремих епізодів вони намагалися відкрити й вивести на світло стабільні та незрушні стани рівноваги...

Мишель Фуко. Археологія знання.

Актуальность поднятой в статье проблемы – литературный процесс и осмысление форм его проявления очевидна: к этой мысли приводят многочисленные работы последнего времени с различной структурой, но одинаково предоставляющие возможность увидеть его в разных ипостасях. Среди них следует отметить некоторые монографии и русских, и украинских ученых, такие как «Мелодия стиха» (2007) С. Бураго, «Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм (2013)Т. Гундоровой, «Современный

взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.» (2017) О. Богдановой, «Мифопоэтика русской предромантической и романтической прозы» (2008), «... Глядя задумчиво в небо широкое»: Человек и природа в произведениях И. С. Тургенева 1840–1850-х гг.» (2016) В. Мусий, «Интерпретация наполеоновского мифа в русской литературе XIX – начала XX века» А. Тарарака [8] и др. Нет необходимости множить этот библиографический список, ибо на нынешний день много ярких работ, которые – каждая по-своему – позволяют составить представление о разных формах проявления литературного процесса и каждая достойна подробного анализа. Однако здесь такой задачи не ставится, как и не предполагается всестороннее раскрытие проблемы. Речь идет лишь о ее постановке. Цель предложенной читательскому вниманию статьи состоит в том, чтобы, опираясь, прежде всего, на взятые за основу монографии О. Богдановой и В. Мусий – с привлечением по ходу изложения работ других авторов – составить некоторое представление лишь об одной форме литературного процесса – его полифонии.

Как известно, слово *процесс* (лат. *processus*), – «последовательная смена каких-либо явлений, состояний и т. п., ход развития чего-либо» [17, 544], – говорит, прежде всего, о линейности времени, в котором протекает, казалось бы, и художественная литература. Однако с искусством слова дело обстоит намного сложнее. С одной стороны, безусловно был прав В. Хализев, когда, опираясь на «Литературный энциклопедический словарь (М., 1987), отмечая стадийность развития литературного процесса, писал:

«Этим термином, во-первых, обозначается литературная жизнь определенной страны и эпохи (во всей совокупности ее явлений и фактов) и, во-вторых, многовековое развитие литературы в глобальном, всемирном масштабе. Литературный процесс во втором значении слова (именно о нем пойдет речь далее) составляет предмет *сравнительно-исторического литературоведения*» [21, 230]

Но, с другой стороны, возможен – и он существует в реальном восприятии – другой подход, если представить литературный процесс как континуум (*от лат. continuum – непрерывное*) и «выразить временную координату в одной системе координат», определив его при этом как своеобразную целостность, через которую проходит масштабное историческое время с его эпохами, но взятое в большом и неразрывном временном отрезке: им может быть XIX – середина XX века. При этом условии большой временной период существования избранной для анализа какой-либо национальной художественной литературы, целесообразно условно представить точно, т.е. как единовременно происходящее: *здесь и теперь*, прибегнув для решения поставленной проблемы к приему математиков – условному *допустим*. Итак, допустим, что литературный процесс – это единое (*поли*)диалогическое поле, где происходит своеобразный огромный форум, на котором в дискуссии сошлись со своими «онтологически значимыми» (Н. Астрахан) голосами все поколения писателей, критиков, литературоведов, философов и других самых разнообразных

реципиентов, сошлись, образно говоря, как за Круглым столом... Отсюда следует, что не забывать об особом характере этого континуума, который одновременно и целостный, и дискретный, т.е. состоящий из *макро-* и *микродialogических* полей. *Макродialogическое* поле образует мировая литература. В его структуру входят, взаимодействуя между собой и перекликаясь, национальные литературы.

В этом отношении вызывает особый интерес мастерски раскрытый В. Мусий творческий диалог мировоззренческого характера, который вел И. Тургенев с А. Пушкиным, Ф. Тютчевым и Гете. При этом важно, что, раскрывая суть этого диалога, В. Мусий не только сама вступает в такие же отношения с другими исследователями, но провоцирует и реципиента через предположительность свои суждений, через слово *возможно*, втягивая его в круг глобальных философских проблем. Ведь реципиент ставится в положение собеседника с А. Пушкиным, в *центре внимания* которого был человек в движущемся мире [См.:13 , 69].

Иногда голоса одного *dialogического поля* эхом отзываются в другом. Так, например, уже в самом названии монографии Т. Гундоровой – «*Післячорнобильська бібліотека*» – улавливается отзвук философского рассказа аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхерса (1899 – 1986) – «*Вавилонская библиотека*» (La biblioteca de Babel) с ее *гиперсферой*. Взаимодействие в сознании реципиента этих двух библиотек служат отправной точкой для интенций онтологического порядка, направляя к размышлениям о Вселенной, *Бытии*, судьбе человечества и ответственности его за Жизнь на Земле. Вот такого типа, на наш взгляд, многоголосие «звучит», например, в «материализованном» континууме, который образует одна из коллекций, собранных Умберто Эко – о ней речь идет в его беседе с Жаном-Клодом Карьером, опубликованной в книге «Не надейся избавиться от книг!» (2013). По словам писателя, это возможно *единственная в мире* коллекция, в которой собраны сказки и легенды, *основополагающие тексты всех стран* [См.: 20]. А ведь каждая книга – это голос, и голосами этих книг «заговорил» мир. Но есть и зеркальное действие, когда мир говорит голосом одного поэта – это авторские антологии, например, «Світовий сонет» (1983) Д. Павлычко.

Однако павлычевская антология демонстрирует и сложность *континуального процесса*: представленный в ней мир, выражает не только себя, но и одновременно личность поэта-переводчика, а также отвечает запросам реципиента. Сказанное свидетельствует, что литературный процесс как континуум со своими *dialogическими полями* может проявлять себя в различных формах. В статье же речь идет о той форме его реализации, которая образуется в сознании реципиента при восприятии литературоведческих исследований, когда он попадает в определенные участки того или иного *dialogического поля* и начинает, опираясь на свой тезаурус, осмыслять сложившуюся *dialogическую* ситуацию.

Философским стимулятором в этом случае явилась книга Мишеля Фуко «Археология знания». Но это не означает, что в статье последовательно будут разрабатываться его идеи: тут реализуется несколько иной дискурс, спровоцированный двумя монографиями – О. Богдановой и В. Мусий. Выбор не случаен, ибо прежде всего богдановский «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.» (2017) благодаря своей структуре создает условия для предоставления дискуссионного поля, на котором сходятся в (поли)диалоге все поколения, где сталкиваются все «изучения» огромного «участка» русской литературы. «Современный взгляд...» позволяет ввести понятие эпистемы (в истолковании М. Фуко с определенной трансформацией), найденная исследовательницей структура, сам ее стиль изложения стимулируют, во-первых, анализаторскую деятельность реципиента. Ему предоставляется, говоря словами того же М. Фуко, *все представления разобрать на составляющие их части, упорядочить, разделить на разные уровни, установить последовательности, выделив в них все значимое, определить единицы, описать взаимодействия* [См. 18, 12 – 13]. Иными словами, все говорит о необходимости выделить *серию совокупностей*, открывая тем самым бесконечный и никогда не завершаемый путь к истине. Кроме того, монографии О. Богдановой и В. Мусий при соположении – как и монография С. Бураго «Мелодия Стиха» – способствуют активизации у информированного реципиента живого и творческого воображения, вызывают особый интерес.

Вслушиваясь в полифонию литературного процесса, реципиент то улавливает голоса, звучащие в унисон – например, статьи Н. Чернышевского и Н. Добролюбова в «Современнике», – то распознает голоса, приходящие в открытую конфронтацию. Ведь у О. Богдановой А. Островский выступает и как писатель, и как реципиент по отношению к Н. Добролюбову и Ап. Григорьеву, и не только к ним. Это обосновано, с тонким пониманием психологии продемонстрировано исследовательницей в *статье /главе «“Реальная критика”, или Как сделана “Гроза Островского”»*, где диалогическое положение и одновременно трудное, мужественное противостояние писателя стороннему влиянию зашифровано уже в самом заголовке через разделительный союз *или* и написание с заглавной буквы наречия *Как*. О. Богдановой сжато и выразительно доказано, что А. Островский определенное время находился в состоянии *когнитивного диссонанса*, т.е. психического дискомфорта. И, оказавшись между двух огней, он перебарывал внутренние противоречия [6, 148 – 199], ища дорогу к самому себе как человеку, так и художнику.... В диалоге и самодиалоге драматург обрел свой голос в искусстве. Но, раскрывая динамику творческой эволюции драматурга, О. Богданова одновременно ставит и своего реципиента в диалогическое положение не только к Н. Чернышевскому, Н. Добролюбову и самому А. Островскому, но и литературоведам-предшественникам, в т. ч. и к А. Ревякину.

Очевидно, что реципиент является важнейшим участником (поли)диалога. Однако особенность ситуации выражена в том, что голоса классиков – они до-

ходят через их произведения – условно остаются величиной постоянной в произведении ничего нельзя изменить: ни сюжет, ни систему образов, ни композицию, ни стиль. Остаются неизменными мысли, высказанные А. Пушкиным ли, Л. Толстым, Ф. Достоевским и др., то же надо сказать и об опубликованных работах критиков и литературоведов. Существующие мифы об А. Пушкине [См.: 22], М. Горьком и др. – это уже продукт восприятий реципиентов, представляющих собой многие поколения. Отсюда следует, что реципиент – единственный из «участников», который является величиной переменной. Информированный реципиент – это Я⁽ⁿ⁺¹⁾, личность, которая ищет в художественной литературе отклики на вызовы времени, на свои мысли, и сомнения, поиски, в т. ч. и самого себя. Ведь не случаен исследовательский вопрос Ю. Кристевой:

«...что же все-таки мы хотим услышать от текста, когда *извлекаем его из ситуации места, времени и языка* и заново обращаемся к нему, минуя временную, географическую, историческую и социальную дистанции?» [12, 7].

Так или иначе этот вопрос стоит – осознанно или нет – перед каждым, кто берет в руки художественную книгу. И как только читатель ее раскрывает, он сразу погружается диалогическую ситуацию. Сегодня, когда М. Бахтин раскрыл полифоническую организацию романа Ф. Достоевским, он тем самым повлиял и на мышление информированного читателя, на тип его отношений к тексту. Оказалось, что полифония присуща не только литературному процессу, но и отдельному произведению даже тогда, когда оно написано «всезнающим автором». Это не означает, что например, монологический роман Л. Толстова уподобился – вдруг! – диалогическому роману Ф. Достоевского. Но, тем не менее, Р. Ингарден с позиций феноменологической теории устанавливает, что «...в литературном произведении полифония является следствием разнородности его отдельных слоев» [11, 452]. Подробно этот вопрос обоснованно раскрывается в статье Н. Астрахан «Полифонія літературного твору: теоретичний аспект» [См.: 2].

Как известно, произведение – художественное или научное – берет свое начало с заглавия, которое по своей природе многопланово и многофункционально. И порой уже оно говорит о полифонии литературного процесса, проявленной непосредственно в творчестве писателей или его интерпретатора. В этом отношении показательно название монографии О. Богдановой – «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.», в котором обнаруживаются три плана:

- указание на «вызов» прежде всего В. Белинскому и диалогическую позицию по отношению к нему, а также и А. Григорьеву;
- предупреждение о том, что в монографии через актуализацию узловых моментов русской литературы взгляд брошен на весь литературный процесс;
- обозначение того, что в отличие от В. Белинского пространственно-временные рамки исследования расширены: литературный процесс охвачен

от XIX в. до середины XX в. и предстает в огромном поле-континууме как непрерывное целое, отражаемое в диалогическом многоголосии.

В это поле-континуум решительно вступают и голоса-раздумья писателей, что иногда очень удачно подчеркивают современные исследователи уже только тем, что свои работы озаглавливают цитатой из изучаемого ими автора. Так, В. Б. Мусий публикует 2016 г. монографию о тургеневской философии природы под названием «...глядя задумчиво в небо... широкое»: человек и природа в произведениях И. С. Тургенева 1840-1850-х гг.», а О. Богданова – в этом же году 6-ю главу «Взгляда на русскую литературу...» озаглавливает: «“Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь”: “Отцы и дети” И.С. Тургенева», акцентируя уже в первых строках время охватываемых событий в романе: 1859 – 1860е гг. – и его написания: год 1861. Эти заглавия-цитаты не только являются выразительным претекстом к соответствующим монографическим текстам и кодом, но и при соположении образуют своеобразный сюжет, отражающий процесс размышлений писателя, осмысляющего *Жизнь* как таковую и выбор человеком своего жизненного поведения и в конечном счете – пути развития своего народа, что в свою очередь порождает у современного реципиента мысли о судьбе человечества в целом. Эти интенции подкрепляются, если русскую литературу взять в широком контексте других литератур. И тут внимание привлекает к себе роль ассоциаций, благодаря которым диалогические отношения, формирующиеся у реципиента усложняются, и он может войти в дискуссию не с писателем и не с целостной концепцией романа, а с каким-либо героем. В частности, с именем И. Тургенева невольно связывается диалогия П. Сороки «Симфонія Петриківського лісу» (2014), и «Де свище Овлур» (2017), в которой всем пафосом своим, не называя тургеневского романа «Отцы и дети» – и даже не намекая на него – писатель подает свой голос против известного тезиса Базарова: «*Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник*». Текст украинского писателя – прежде всего книги-притчи «Де свище Овлур» – утверждает противоположное: *природа и храм, и мастерская, но мастерская* особого рода: в ней человек духовно «шлифуется», вспоминая о том, что он создан по подобию Божьему, в ней осознает свое несовершенство и несоответствие замыслу Богу, ищет дорогу к самоусовершенствованию.

Небезынтересна и в какой-то мере неожиданна «виртуальная» встреча в сознании реципиента голосов немецкого и русского писателей, освещенная в статье Н. Астрахан «Духовно-творчий та історичний виміри буття в художньо-му цілому філософського роману: “Гра в бісер” Г. Гессе та “Доктор Живаго” Б. Пастернака» [1].

В обеих работах, но с разной степенью очевидности, обращение к информированному читателю предполагает наличие у него информации не как суммы знаний, а как мировоззренческой базы. Именно в расчете на это и поступает ему предложение глянуть на острые проблемы в новом ракурсе, подумать о том, почему, например у О. Богдановой выдвигаются крупным планом те или иные

проблемы, а другие – не менее важные – пока остаются в подтексте и за текстом, но тем не менее ни Л. Толстой, ни Ф. Достоевский и мн. др. не исключены автором из поля зрения. Что касается А. Пушкина, то он и О. Богдановой, и у В. Мусий присутствует неизменно, по-разному проходя через весь текст. Если В. Мусий в монографии, посвященной И. Тургеневу отводит многие страницы для раскрытия отношения писателя к А. Пушкину, то в «Мифопоэтике...», где нет ни единой главы о нем, так или иначе он появляется на многих страницах [14, 30, 39, 135, 136 и др.]. У О. Богдановой композиционно несколько иначе. Сначала речь о А. Пушкине заходит в главе, посвященной «сценической поэме» А. Грибоедова «Грое от ума», а затем поэт предстает во всем величии своего гения и человечности в *статье / главе* «“Наше описание вернее...”» (А. Пушкин): образы Петра и бедного Евгения в “Медном всаднике”, а дальше имя его возникает прямо или косвенно, давая понять, что «Пушкин – наше все» [8]. Но как бы то ни было, каждый раз это новое включение и писателя и реципиента в (поли)диалогическое поле. Нетрудно догадаться, как много раздумий может вызвать только один очерченный О. Богдановой в главе «К истории рождения романа М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени: гипотеза и ретроспектива”» мотив *сплин – декабризм*. Линия этого мотива, представленная в парадигматическом ряду: А Пушкин (тут в центре Кюхля и пушкинское переживание) – М. Лермонтов – Л. Толстой – столь выразительна, как и линия в рисунке П. Пикассо (1881 – 1973). И расшифрованный в статье о «Медном всаднике» О. Богдановой образ Кюхли крайне необходим в возможных интенциях как важнейшее звено. Потому что он дает возможность ощутить – именно ощутить – с особой силой, ибо это ощущение является глубочайшей степенью понимания, что декабристы, выйдя на Сенатскую площадь, так и не ушли из русского сознания.

Пушкин входит в сознание реципиента через активизацию его тезауруса при чтении романа «Отцы и дети», в его контекст. Двери туда приоткрывает О. Богданова, когда, кажется, так неожиданно поднимает психологическую проблему – проблему реакции «униженного» барским презрением разночинца, проблему, которая до сих пор обходили вниманием критики и литературоведы. И тут реципиенту – вдруг! – приходит на ум широко известное стихотворение А. Пушкина «Моя родословная»: «*Смеясь жестоко над собратом, / Писаки русские толпой / Меня зовут аристократом...*». Интересно, что Писарев (1840 – 1868), который писал много о старом барстве, на эту сторону внимания не обратил, вернее, заметив, счел проблему неактуальной, скрыв ее за словами: *...делается почти совершенно равнодушным к мнению других людей:*

«Его не занимают, – пишет он в статье «Базаров», – те мелочи, из которых складываются обыденные людские отношения; его нельзя оскорбить явным пренебрежением, его нельзя обрадовать знаками уважения; он так полон собою и так непоколебимо высоко стоит в своих собственных глазах, что делается почти совершенно равнодушным к мнению других людей» [15, 11].

Богдановский читатель, обратив внимание на новый аспект понимания главного героя романа «Отцы и дети», не может не вспомнить слова Д. Писарева, которые, кажется, приходят в полное противоречие с концепцией О. Богдановой... Но он должен быть активен – к этому его обязывает участие в (*поли*) диалоге. И должен понять, что противоречия нет, а есть иной ракурс – ракурс того, что Базаров, по словам Д. Писарева, скрывал в себе... Лакуны между статьями / главами располагают к раздумьям и дают возможность – это как пробел в стихах – понять и Писарева, и О. Богданову.

Д. Писареву важно было подчеркнуть способность Базарова к действию:

«У Печориных есть воля без знания, у Рудиных – знание без воли. У Базаровых есть и знание и воля, мысль и дело сливаются в одно твердое целое» [15, 21].

А для О. Богдановой подчеркнуть ту гуманистическую сторону тургеневского романа, которая отвечает на вызовы нашей современности, о чем свидетельствует и европейская философская мысль, и литература в своих вершинных произведениях. Достаточно вспомнить хотя бы драму Т. Ружевича «Картотека», с ее художественно-философской концепцией и намерением писателя помочь человеку, прошедшему через страдания, преступления, унижения, вернуть себя самому себе, поднять на щит общечеловеческие ценности.

И О. Богданова, анализируя и «Медный всадник», и «Отцы и дети», и драму «Гроза», подчеркивает, что, кроме всего прочего, в этих произведениях ставится глобальный вопрос о достоинстве человеческой жизни, о ее ценности, что начинает коррелировать, казалось бы, с таким далекими произведениями, как фильм А. Вайды «Пепел и алмаз» (по одноименному роману Ежи Анжиевского), в котором главная *мысль / протест* заключена в финальной сцене: герой – достойный человек – погибает от раны на мусорной свалке, никому не нужный, что заставляет задуматься об обесценивании человеческой жизни, об унижении человеческого достоинства. Вспоминается и роман М. Шульца «Мы не пыль на ветру» и другие голоса, откликающиеся на проблему человеческого достоинства. И в этой полифонии новый ракурс прочтения «Отцов и детей» включает роман И. Тургенева в широкий контекст европейской литературы и искусства на нынешнем этапе, тогда как установленные взгляды – их, кстати, никто не отбрасывает – во много оставляют его в истории. Надо отметить, что и монография В. Мусий о Тургеневе, в которой детально и доказательно рассматривается период его творчества, предшествующий созданию романа «Отцы и дети», новаторски освещает художественные и мировоззренческие проблемы. Исследовательница своими путями стимулирует реципиента слышать голоса многих и вырабатывать свою систему взглядов не только на литературу, но и на человека и жизнь в целом.

Способы обращение к информированному читателю, активизации его мыслительной деятельности у О. Богдановой и В. Мусий различны, но едины они в том, что дают понять: информированность реципиента не просто сумма

знаний, а база для дальнішого розвитку гуманістических сторін свого мировоззрення.

Однако структурированы работы у В. Мусий О. Богдановой и по-разному. В. Мусий создает (поли)диалогическое поле последовательно, без всяких разрывов, вступая в дискуссию со множеством тургеневедов и вовлекая тем самым в нее и реципиентов. О. Богданова идет другим путем – через (квази)фрагментарность, потому что все фрагменты внутренне связаны неразрывными «сквозными» нитями, одной из которых является «присутствие А. Пушкина», но не только. Однако (квази)фрагментарность нацелена на понимание полифонической природы литературного процесса. Структура богдановского текста заставляет информированного реципиента с его голосом, опираясь на свой тезаурус и свое восприятие текстов, услышать голоса множеств, которые находятся в диалогических отношениях то по отношению к писателям, то по отношению к *голосу Другого* реципиента... И тогда реципиент опираясь, на свои знания, на силу воображения, на способность к ассоциациям и услышав *голоса Других*, отреагировать на них, сможет представить литературный процесс как полифонию. Полифония -- основа и форма, обеспечивающая жизнь великих творений. Богдановский «Взгляд на историю русской литературы...» не только оригинален, его заслуга в том, что он стимулирует желание понять, почему в разные времена акцентировалось в классических произведениях те или иные аспекты художественного произведения, понять и людей на различных этапах такого большого континуума как XIX – середина XXI вв. Фрагментарность «Современного взгляда...» сближается по своей функции с фрагментарностью драмы «Картотека» Т. Ружевица и состоящей из «карточек» поэмой Л. Рубинштейна «Появление героя» [3, 21–23].

Литературный процесс ощущается и осознается автором как целостность и таковым представлен благодаря обозначению множеств сквозных линий, связывающих отдельные фрагменты текста, среди которых генеральной, является линия пушкинская, требующая дальнішого подробного рассмотрения.

Завершая необходимо подчеркнуть, что полифония литературного процесса – это и особая форма его существования, и особая форма взаимодействия произведения с реципиентом... своими (поли) диалогическими полями.

Полифония литературного процесса представляет такую «виртуальную» картину, которая, говоря словами Ж. Делеза, *утверждает реальность прошлого, связь между настоящим и прошлым, настоящим и будущим.*

Проблема полифонии литературного процесса огромна, ее рассмотрение нуждается в продолжении многоаспектного и детального изучения. Один из таких аспектов – это разговор на уровне жанра. Тут особый интерес представляет статья О. Богдановой «Роман умер, да здравствует роман! (роман В. Сорокина «Роман»)» [4; 5]. Иными словами еще многое предстоит сделать.

Однако и теперь – из приведенных примеров – становится очевидным, что в образовании коммуникативных путей взаимодействия голоса реципиента

с голосами писателей, литературоведов, художников, философов большую роль играет организация текста исследователя: его структура и стиль. Именно структура и стиль во многом способствуют выявлению смыслов, возникающих в процессе взаимодействия сложных дискурсивных инстанций, когда складывается творческая обстановка. По этому поводу очень точно высказалась Ю. Кристева:

«Бахтинское слово-дискурс, – пишет ученый, – как бы распределено между различными дискурсивными инстанциями, которые множественное «я» способно заполнять одновременно. Будучи поначалу диалогическим в той мере, в какой мы слышим в нем голос другого, адресата, такое слово становится затем глубоко полифоническим, коль скоро в конце концов в нем начинают слышаться голоса сразу нескольких дискурсивных инстанций» [12, 14].

В свою очередь все более очевидна правота Р. Барта (1915 – 1980), утверждавшего, что текст «“работает” ежесекундно, с какой стороны к нему ни подойди; даже будучи записан (закреплен), он не прекращает работать» [Цит. 16, 52]. Но в то же время вслушивание в голоса литературного процесса окончательно убеждает в ошибочности мысли философа *о смерти автора*, с чем не соглашаются не только опытные литературоведы, но и молодые исследователи, которые теперь проблему авторского присутствия ставят во главу угла своих диссертаций, о чем свидетельствует яркая теоретическая работа И. Дмитриевой [См. 10].

Не менее актуальна и проблема выявления полисемантической литературного процесса в условиях его полифонии.

То, что восприятие полифонии литературного процесса выходит за рамки литературоведения, ибо оно помогает человеку и формировать свою позицию в современном полифоническом мире, в свою очередь выдвигает свои новые задачи.

И наконец, как известно, *Другой* понимается сегодня по-разному: в соотношениях Я – Ты (Г.-Г. Гадамер), Я – Ты – Любой иной (П. Рикёр) и т. д., а поэтому небезинтересно проследить, как функционируют они и как взаимодействуют в макро- и микро- (поли)диалогических полях.

Думается, что работа в этом направлении перспективна и может дать неплохие результаты.

Примечания

1. Феноменальность поэта была определена в 1859 г. А. Григорьевым (1822–1864) в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» емкой фразой: «Пушкин наше все», которая, по замечанию Т. Шеметовой, теперь «живет в национальном сознании уже как бы в отрыве от ее автора» [12]. И неслучайно в 2009 г. одну из своих монографий О. Богданова, не устранив дискуссионности проблемы, назовет: «“Пушкин наше все...”: Литература постмодерна и Пушкин», правомерно перебросив тем самым мост через 150 лет, ибо, на наш взгляд, много исходно верного содержится в григорьевских словах хотя и в переосмысляемом виде.
2. Специфика метода изложения материала О. Богдановой проявляется в том, что она стимулирует внимание информированного читателя, понуждая его обратиться к природе психологии творчества. Но исследовательница идет путем не теоретического осмысления этого процесса, как шел, например, Б. С. Мей-

лах (1909–1987) в своїх монографіях «Талант писателя и процессы творчества» (1969), «На рубеже науки и искусства: спор о двух сферах познания и творчества» (1971), «Процесс творчества и художественное восприятие. Комплексный подход: опыт, поиски, перспективы» (1985), а путем пробуждения в читателе чувства сопереживания с писателем, достигая нужного эффекта стилистической организацией текста. Особенно это богдановское свойство проявляется при анализе произведений А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Островского, А. Чехова, И. Бунина.

Однако, рассматривая смыслообразующую роль стилистической организации богдановского текста, нельзя не заметить, что тем же способом О. Богданова усиливает сопереживание читателя героям анализируемых произведений. А при анализе тургеневского романа «Отцы и дети» такое вызывание сочувствия имеет прямое отношение к пониманию подвижности его структурных соотношений.

Список использованной литературы

1. Астрахан Н.І. Духовно-творчий та історичний виміри буття в художньому цілому філософського роману: «Гра в бісер» Г. Гессе та «Доктор Живаго» Б. Пастернака // Мова і культура. (Науковий журнал) / Наталія Іванівна Астрахан. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. – Вип. 19. – Т. V (185). – С. 112–121.
2. Астрахан Н. І. Поліфонія літературного твору: теоретичний аспект // Житомирські літературознавчі студії. / Наталія Іванівна Астрахан. – Житомир: Житомирський держ. ун-т ім. І. Франка 2013. – № 7. – С. 175–183.
3. Богданова О. В. Концептуалист Владимир Сорокин. Учеб.-метод. пособие / Ольга Владимировна Богданова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. – 66 с.
4. Богданова О. В. Роман умер, да здравствует роман! (роман В. Сорокина «Роман») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – Часть первая. – М., 2013. – № 3. – С. 31 – 43.
5. Богданова О. В. Роман умер, да здравствует роман! (роман В. Сорокина «Роман») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – Часть вторая. – М., 2014. – № 1. – С. 89 – 101.
6. Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв. [Монография] / Изд. 2, дополненное / Ольга Владимировна Богданова. – СПб. : ИПК Береста, 2017. – 560 с.
7. Бураго С. Мелодия стиха // Бураго С. Набег язычества на рубеже веков / Сергей Борисович Бураго. – К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С.182 – 447.
8. Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А.А. Апология почвенничества / Составление и комментарии А. В. Белова.– М.: Институт русской цивилизации, 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0510.shtml
9. Гундорова Т. Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодернізм [Монографія] / Вид. друге, виправлене і доповнено / Тамара Іванівна Гундорова. – К. : Критика, 2013.
10. Дмитриева І. В. Теоретичні концепті і реалії художньої творчості: напрям, жанр, автор (на матеріалі англійської драматургії другої половини XX століття): автореф. дис. ... канд. філол. наук. Спеціальність 10.01. 06 – Теорія літератури / Іванна Володимирівна Дмитриєва. – Житомир, 2017. – 20 с.
11. Ингарден Роман. Исследования по эстетике. Перевод с польского А. Ермилова и Б. Федорова / Роман Ингарден. – Москва : Издательство Иностранной литературы, 1962. – 572 с.
12. Кристева Ю. Разрушение поэтики //Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. Пер. с франц. / Юлия Кристева. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с. (Серия «Книга света») [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/kristeva.pdf>
13. Мусий В. Б. «... Глядя задумчиво в небо широкое»: Человек и природа в произведениях И. С. Тургенева 1840–1850-х гг. [Монография] / Валентина Борисовна Мусий. – Одесса : Печатный дом, 2016. – 174 с.
14. Мусий В. Б. Мифопоэтика русской предромантической и романтической прозы [Монография] / Валентина Борисовна Мусий. – Одесса : Астропринт, 2008. – 300 с.
15. Писарев Д. Базаров // Писарев Д. Соч. : В 4-х тт. / Дмитрий Иванович Писарев. – М. : ГИХЛ, 1955. – Т. 2. – С. 7-50.
16. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьеге-Гро. – М. : Издательство ЛКИ, 2008.– 240 с.
17. Словарь русского языка (СРЯ): В 4-х т. / АН СССР, Инст.... Рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. А – Й. – 1981. – 698 с.; Т. Ш. П. – Р. – 1983. – 750 с.
18. Тарарак А. В. Интерпретация наполеоновского мифа в русской литературе XIX начала XX века [Монография] / Александр Валентинович Тарарак– К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2014. – 340 с.
19. Умберто Эко о своей библиотеке: philologist [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/8232233.html>

20. Хализев В. Е. *Теория литературы*. . 4-е изд., испр. и доп. / Валентин Евгениевич Хализев. – М.: 2004. – 405 с.
21. Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дисс. ... д-ра филологических наук. Специальность 10.01. 01 – Русская литература. / Татьяна Геннадиевна Шеметова. – М., 2011. – 50 с.

Оляндер Л.К.

Східноєвропейський національний університет ім. Лесі Українки
просп. Волі, 13, м. Луцьк, Україна, 43025
olk32@ukr.net

**ЛІТЕРАТУРНИЙ ПРОЦЕС: ОСМИСЛЕННЯ ФОРМ
ЙОГО ПРОЯВУ**

У статті йде мова про зміст поняття «літературний процес», а також про таку його особливість, як поліфонія, поєднання в ньому цілісності і дискретності. Автор статті звертає увагу на взаємодію в літературознавчій науковій роботі макро- і мікродіалогічних полів, звучання в ній безлічі голосів: самого автора дослідження, письменника, творчість якого досліджується, а також тих митців, до яких у думці, або ж, цитуючи їх, звертався художник, створюючи свої твори. Часто ця поліфонія задається вже назвою літературознавчого дослідження. У полі зору автора статті – монографії, що вийшли останніми роками (С. Бураго, Т. Гундорової, О. Богданової, В. Мусій, А. Тарарака).

Ключові слова: літературний процес, літературознавче дослідження, поліфонія, діалогічне поле, цілісність, дискретність

Oliander L. K.

Lesya Ukrainka Eastern European National University
Department of Slavic Philology
olk32@ukr.net

LITERARY PROCESS: THE COMPREHENSION OF ITS DISPLAY

An object of the article is maintenance of concept «literary process», and such it's features, as polyphony, combination in it of integrity and discreteness. The author of the article pays regard to cooperation in the advanced study of literature makro- and the mikrodialogical fields, sounding in it of great number of voices: author of research, writer about which speech goes about, and also those creators to which mentally or, quoting them, applied artist, creating his work. This polyphony often sets already in the title of literary study. In the center of view of the author of the article are released in recent years monographs by S. Burago, T. Gundorova, O. Bogdanova, V. Musiy, A. Tararak

Key words: literary process, literary study, polyphony, dialogical field, integrity, discretion

References

1. Astrahan N.I (2017), Duhovno-tvorchij ta istorichnij vimiri buttya v hudozhn'omu cilomu filosofskogo romanu: «Gra v biser» G. Gesse ta «Doktor ZHivago» B. Pasternaka [Spiritually creative and historical measurements of life in artistic whole philosophical a novel: "There is «playing the bead»" of G. Gesse and «Doctor Zhivago» by B. Pasternak] [in:] Mova i kul'tura [Language and Culture], Kyiv, Vidavnychij dim Dmitra Burago, Issue 19, Vol. V (185), pp.112 – 121 [in Ukrainian]
2. Astrahan N. I. (2013), Polifoniya literaturnogo tvorcu: teoretichnij aspekt [Polyphony of literary work: theoretical aspect] [in:] ZHitomirs'ki literaturoznavchi studii [The Zhytomyr study of literature studios], Zhitomir, ZHitomirs'kij derzh. un-t im. I. Franka, № 7, pp. 175–183 [in Ukrainian].
3. Bogdanova O. V. (2005), Konceptualist Vladimir Sorokin. Ucheb.-metod. posobie [Conceptualist Vladimir Sorokin: Textbook], Saint Petersburg, Filol'gicheskij f-t SpbGU [in Russian]
4. Bogdanova O. V. (2013) Roman umer, da zdravstvuet roman! (roman V. Sorokina «Roman») [The novel is dead, long live the novel (the novel by V. Sorokin "Roman")] [in:] Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly [Philological science. Scientific reports of higher school], № 3, pp. 31 – 43 [in Russian].
5. Bogdanova O. V. (2014) Roman umer, da zdravstvuet roman! (roman V. Sorokina «Roman») [The novel is dead, long live the novel (the novel by V. Sorokin "Roman")] [in:] Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly [Philological science. Scientific reports of higher school], part 2, №1, pp. 89 – 101.
6. Bogdanova O. V. (2017), Sovremennij vzglyad na russkuyu literaturu XIX – serediny XX vv.: Monografiya [A modern view on Russian literature of XIX – XX cent.: Monograph], Saint Petersburg, Filol'gicheskij f-t SpbGU [in Russian]
7. Burago S. (2015), Melodiya stiha {Melody of verse} [in:] Burago S. Nabeg yazychestva na rubezhe vekov [The inroad of paganism at the turn of the century], Kyiv, Izdatel'skij dom Dmitriya Burago, pp.182 – 447 [in Russian].
8. Grigor'ev A. A. (2008), Vzglyad na russkuyu literaturu so smerti Pushkina [Glance at Russian literature since Pushkin's death] [in:] Grigor'ev A.A. Apologiya pochvennichestva [The apologia of pochvennichestvo], Moscow, Institut russkoj civilizacii [in Russian].
9. Gundorova T. (2013), Pisyachornobil's'ka biblioteka. Ukraïns'kij literaturnij postmodernizm: Monografiya [After the Chernobyl library. Ukrainian literary postmodernism: Monograph], Kyiv, Kritika [in Ukrainian]
10. Dmitrieva I. V.(2017) Teoretichni koncepti i realii hudozhn'oi tvorchosti: napryam, zhanr, avtor (na materialy angломovnoï dramaturgi drugoi polovini HKH stolittya): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Special'nost' 10.01. 06 – Teoriya literatury [Theoretical concept and reality of artistic work : direction, genre, author (on material of English-language dramaturgy of the second to the half of XX of century): Thesis for a Assistant of Doctor Degree in Philology, Specialitie 10.01.06 – Theory of Literatura], Zhitomir [in Ukrainian]
11. Ingarden Roman (1962). Issledovaniya po ehstetike [Studies in aesthetics], Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoj literatury [in Russian]
12. Kristeva Yu. (2004), Razrushenie poehtiki [Destruction of Poetics] [in:] Kristeva Yu. Izbrannye trudy. Razrushenie poehtiki [Selected works. Destruction of Poetics], Moscow, «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN) [in Russian]
13. Musij V. B. (2016) «... Glyadya zadumchivo v nebo shirokoe»: CHelovek i priroda v proizvedeniyah I. S. Turgenyeva 1840–1850-h gg. :Monografiya [“...looking thoughtfully into the sky wide”. Man and nature in the prose of I. S. Turgenyev of 1840-1850 years: Monograph], Odessa : Pechatnyj dom [in Russian]
14. Musij V. B. Mifopoehtika russkoj predromanticheskoi i romanticheskoi prozy: Monografiya [Mythopoeitics of the Russian preromantic and romantic prose: Monograph], Odessa :Astropriit, 2008 [in Russian]
15. Pisarev D. (1955) Bazarov {Bazarov} [in:] Pisarev D. Soch. : V 4-h tt. [Works], vol 1-4, Moscow,GIHL, vol.2, pp. 7 – 50 [in Russian]
16. P'ege-Gro N. (2008) Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti [Introduction to the theory of intertextuality], Moscow, Izdatel'stvo LKI [in Russian]
17. Slovar' russkogo yazyka (SRYA): V 4-h t. (1981 -1984) [Dictionary of the Russian language], Moscow, Russkij yazyk [in Russian]
18. Tararak A. V. (2014) Interpretaciya napoleonovskogo mifa v russkoj literature XIX nachala XX veka: Monografiya [Interpretation of the Napoleonic myth in the Russian literature of the XIX – early XX-th century],Kyiv, Izdatel'skij dom Dmitriya Burago [in Russian]
19. Umberto Ehko o svoej biblioteke: philologist [Umberto Ehko about his library: philologist], availably at: <https://philologist.livejournal.com/8232233.html>
20. Halizev V. E. (2004), Teoriya literatury [Theory of literature], Moscow [in Russian]
21. Shemetova T.G. (2011) Biograficheskij mif o Pushkine v russkoj literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. diss. ... d-ra filologicheskikh nauk. Special'nost' 10.01. 01 – Russkaya literatura [Biographic myth about Pushkin in Russian literature of soviet and postsovetskogo periods: Thesis for a Doctor Degree in Philology, Spesiality 10.01.01 – Russian literature], Moscow [in Russian].

Статтю подано до редколегії 30 вересня 2017 р.